

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.30.25>

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ КОНФЛИКТА И ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ТЕКСТАХ

Научная статья

Дубровская Т.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-0044-6056;

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

¹ Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (gynergy74[at]gmail.com)

Аннотация

Автор ставит цель выстроить модель конфликта в правовых и политико-правовых текстах, а также выявить группы лексики, которые актуализируют семантику конфликта и противостояния, и определить их функциональную специфику. В исследовании задействованы методики качественного и количественного анализа. Автор приходит к выводу, что модель семантической ситуации конфликта включает субъект действия, собственно действие, противоречащее норме, объект отрицательного воздействия и ответные действия со стороны объекта негативного влияния. Объектом негативного воздействия и субъектом ответных мер выступает российское государство. Лексика, актуализирующая ситуацию конфликта, делится на две группы: обозначения явлений и действий, противоречащих юридическим и социальным нормам РФ, с одной стороны, и обозначения ответных контрмер, с другой стороны. Обе группы включают лексику разных объемов значений: диффузные и обыденные лексические единицы, а также юридические терминологические словоупотребления, которые обеспечивают точность смысла.

Ключевые слова: текст, правовой, политико-правовой, лексика, конфликт, противостояние.

LEXICAL MARKERS OF CONFLICT AND CONFRONTATION IN LEGAL AND POLITICAL TEXTS

Research article

Dubrovskaya T.V.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-0044-6056;

¹ Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

¹ Penza State University, Penza, Russian Federation

* Corresponding author (gynergy74[at]gmail.com)

Abstract

The author aims to build a model of conflict in legal and political and legal texts, as well as to identify vocabulary groups that update the semantics of conflict and confrontation, and to define their functional specifics. The study was conducted with methods of qualitative and quantitative analysis. The author concludes that the model of the semantic situation of the conflict includes the action subject, the action itself, which defies the norm, the object of the negative impact and the response by the object of the negative influence. The state of Russia is the object of negative influence as well as the subject of response measures. Vocabulary, which updates the conflict situation, is divided into two groups: nomination of phenomena and definition of actions contradicting the legal and social norms of the Russian Federation, on the one hand, and defining the countermeasures, on the other hand. Both groups include vocabulary of different volumes of meaning: indefinite and common lexical units, as well as legal terminological expressions that provide accuracy of meaning.

Keywords: text, legal, political and legal, vocabulary, conflict, confrontation.

Введение

Настоящая статья представляет некоторые результаты проекта, посвящённого исследованию семантики единения и вражды в языке и речи. Ранее в наших публикациях мы выявили востребованные в правовом и политико-правовом дискурсе лексические единицы, актуализирующие семантику единения и её положительный аксиологический статус и создающие репрезентации трёх измерений единения на государственном уровне: социального, пространственного (территориального) и темпорального [1], [2]. Мы показали, что лексема с семантикой единения выступают в типичных коллокациях, которые определяют их контекстуальный смысл – конкретный или абстрактный, характерный для правовой коммуникации. На данном этапе исследования стоит **цель** выстроить модель конфликта в правовых и политико-правовых текстах и определить формы её языковой актуализации. Очевидно, что рассматриваемые документы обладают функциональной спецификой в части использования такой лексики. По своей сути юридический дискурс направлен на вербальное конструирование некоторой желательной, с точки зрения законодателя, ситуации или состояния. Как отмечает Е.А. Кожемякин, «в высшей степени дискурсивными являются законодательные практики, при которых некоторая последовательность высказываний (или текстов) имеет нормирующий (конструирующий) эффект: закон как текст, будучи артикулированным, переданным и воспринятым, стимулирует одни действия и блокирует другие» [5, С. 129].

Конфликты и противостояние были характерны для человеческих отношений на всем пути развития цивилизации и исследовались в рамках разных дисциплин, в том числе коммуникативных [4], [10]. Однако состояние конфронтации вряд ли можно признать желательным как в межличностных, так и в межгрупповых или межгосударственных отношениях. Напротив, человечество постоянно находится в поиске способов преодоления конфронтации, в том числе посредством юридических механизмов.

Юридический текст ориентирован на определение правил, которые должны служить урегулированию конфликтов мирным путем и сохранению социальной гармонии, а не провоцировать деструктивные проявления. Поэтому можно предположить, что в отличие от политического дискурса, нередко выражающего факты конфликтов и вражды в эксплицитной вербальной форме и приписывающего свойства враждебности политическим акторам (странам, организациям) [3], правовые и политико-правовые тексты должны демонстрировать определенную специфику, которая касается как набора лексических единиц и их функционирования, так и результирующих репрезентаций социальной действительности. Таким образом, в данной работе мы ставим **задачи** выделить такие группы лексики, которые актуализируют семантику конфликта и противостояния, определить специфику их сочетаемости и функционирования, а также выявить типичные репрезентации конфликта в рассматриваемых типах текста.

Для решения поставленных задач мы используем семантический, дефиниционный, контекстуальный анализ, элементы словообразовательного и синтаксического анализа, количественные подсчеты. Для облегчения процедуры по выявлению интересующих нас единиц, их частотности и сочетаемости мы использовали программное обеспечение для автоматической обработки текста MonoСonc Pro 2.2. Отметим, однако, что собственно корпусный анализ нами не применялся.

В Российской Федерации существует значительное количество политико-правовых документов, включая стратегии и концепции. Юридический статус таких документов подробно обсуждается М.А. Мушинским [7]. Не останавливаясь на этом подробно, отметим только, что «как и собственно юридический дискурс, направленный на конструирование желаемого будущего, дискурс политико-правовой ориентирован на будущее, на определение отношений и действий социальных акторов. Кроме того, политико-правовые документы определяют аксиологию взаимодействия акторов социальных отношений <...>, присваивая положительный аксиологический статус одним акторам и их действиям и отрицательный – другим» [1, С. 3]. В качестве материала выбраны тексты, которые связаны единой темой взаимоотношения РФ с внешними субъектами. Это Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – ОПП), «Концепция внешней политики Российской Федерации» (далее – КВП) и «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (далее – КГМП). Кроме того, мы включили в исследуемый корпус текст Конституции Российской Федерации как основной закон Российской Федерации.

Основные результаты

2.1 Прототипическая ситуация конфликта и ее лексические маркеры

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в правовых и политико-правовых текстах моделируются не только желательные для законодателя состояния и ситуации, но и нежелательные ситуации возможного конфликта между различными субъектами правовых и политико-правовых отношений, одним из которых является российское государство, и их возможные последствия.

Прототипической конфликтной ситуацией, вовлекающей государство, является ситуация **«нарушение некоторым субъектом порядка, установленного российским государством»**. С точки зрения актантного наполнения, минимальная модель такой ситуации включает субъект действия, собственно действие, противоречащее норме (семантический предикат), и объект отрицательного воздействия:

*Интенсивный миграционный поток из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу, возникший в 2014–2015 годах, становится причиной негативных социально-экономических процессов в европейских государствах, а также способствует **проникновению** в эти государства **членов криминальных, террористических и экстремистских структур**. Такие негативные проявления могут стать **угрозой** как для Российской Федерации, так и для приграничных с ней государств.* (КГМП)

В приведенном примере субъектами выступают страны Ближнего Востока и Северной Африки, а конфликтогенное действие коллективного внешнего субъекта описано словосочетанием с отглагольным существительным **«проникновение членов криминальных, террористических и экстремистских структур»**. Такая ситуация в целом получает номинацию **«угроза»**, а объектами угрозы выступают РФ и другие государства.

Ряд лексических маркеров конфликтогенных ситуаций в нашем материале достаточно широк. Приведем их списочно, объединив в одну группу слова с одинаковой корневой морфемой и отметив в скобках общее количество употреблений: терроризм/террорист/террористический (42), угроза (33), экстремизм/экстремистский (19), противоречить/противоречие (19), конфликт/конфликтность (13), дискриминация/дискриминационный (8), вмешательство (7), коррупция/коррупционный (7), напряженность (4), ксенофобия (2), нетерпимость (2), вражда (1) и др.

Наиболее востребованными маркерами конфликтогенных ситуаций являются лексемы с корневой морфемой **наруш-** (50 употреблений): **нарушение, нарушать, нарушить**. Из словарного толкования глагола «нарушить»: ‘помешать нормальному состоянию, развитию чего-н., прервать’ [8, С. 392] вытекает, что нарушение – это состояние конфликта, противоречия между некоторым нормальным состоянием и фактором или субъектом, отрицательно на него воздействующим. В правовом и политико-правовом контексте лексема «нарушение» выступает как контекстуальный гипероним по отношению к лексемам, имеющим значения конкретных юридически закрепленных правонарушений (**терроризм, экстремизм, дискриминация, коррупция**) или дисгармоничных состояний (**угроза, противоречие, вмешательство, напряженность, нетерпимость**). Вероятно, этим объясняется её наибольшая востребованность.

Достаточно широкое обобщенное значение имеет также и лексема «вмешательство», толкуемая в лексикографическом источнике как «самовольные насильственные действия в чужой стране, в чужих политических сферах» [8, С. 87]. Из толкования видно, что ситуация предполагает участие в ней некоторого внешнего агрессивного актора. Такой же смысл обнаруживаем в следующем примере, однако характер действий этого гипотетического актора точно не обозначен:

*Российская Федерация принимает меры по <...> недопущению **вмешательства** во внутренние дела государства.* [13]

Правовые и политико-правовые документы моделируют такую реальность, в которой нарушение российских правовых норм признается неприемлемым и наказуемым:

*Осуществление прав и свобод человека и гражданина **не должно нарушать права и свободы других лиц.*** [13]

Конфликтогенность ситуации, в которой российское государство находится под угрозой, актуализируется не только отдельными словами, но и словосочетаниями, в состав которых входят атрибуты «незаконный/незаконно» (26) или «фиктивный» (2). Указанные лексемы эксплицитно маркируют то или иное действие как вступающее в конфликт с законами российского государства, т.е. как правонарушение: *незаконное распространение оружия и боеприпасов, незаконное распространение оружия массового уничтожения, незаконный оборот наркотических средств, незаконная миграция, незаконно находящиеся в РФ, фиктивная постанова на учет, фиктивные действия для получения иностранными гражданами прав на въезд в Российскую Федерацию и др.:*

*<...> Установлена уголовная ответственность за пересечение государственной границы Российской Федерации иностранными гражданами, въезд которым в страну не разрешен, за **фиктивную постановку иностранных граждан на миграционный учет.** Ужесточены санкции за организацию незаконной миграции* [12]

В последнем примере отметим наличие еще одного элемента прототипической ситуации конфликта – последствия или ответные действия со стороны объекта негативного влияния (*установлена ответственность, ужесточены санкции*). Остановимся на этом подробнее.

2.2. Лексические маркеры ответных мер в ситуации конфликта

Номинации ответных действий со стороны российского государства образуют лексическую группу со значением мер противостояния. При обсуждении лексики единения в наших более ранних работах мы отметили распространенность единиц с морфемами *–един–, цел–, обще–, меж–/между–* *взаимо–*, которые актуализируют смыслы неединичности и объединения участников отношений [1], [2]. Что касается лексических маркеров конфликта, то здесь в особую группу можно выделить единицы с морфемой *противо–*, имеющей «значение противоположности (слова с этим значением называют предмет, явление, такое же, как и названное мотивирующим словом, но носящее встречный или противодействующий характер)» [9, С. 263]. Таковыми в нашем материале являются лексемы *противодействовать/противодействие* (32) и *противостоят/противостояние* (2), которые используются в словосочетаниях с существительными в дательном падеже, обозначающими враждебные субъекты, действия, процессы:

*Основными направлениями миграционной политики <...> являются: <...> н) совершенствование механизма миграционного контроля в целях решения задач по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, в том числе по **противодействию криминальным, террористическим и экстремистским структурам.*** [12];

*Главным направлением в борьбе с терроризмом должно стать создание широкой международной антитеррористической коалиции на прочной правовой базе <...> прежде всего в целях предупреждения терроризма и экстремизма, **противодействия распространению радикальных идей.*** [11];

*Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, **противодействия угрозам** государственной, экономической и общественной безопасности, исходящим из информационного пространства, для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами с применением информационно-коммуникационных технологий, **противодействует** их использованию в военно-политических целях <...>* [11]

*Россия поддерживает международные усилия по **противодействию незаконному обороту легкого и стрелкового оружия.*** [11]

Несмотря на свою распространенность, лексемы «противодействовать/противодействие» встречаются только в текстах Концепций, но не в собственно законодательных текстах. Полагаем, что диффузное значение данных лексем и широкий объем их значений препятствуют использованию их в текстах законов, от которых требуется большая степень точности и конкретики, тогда как политико-правовые документы только стратегически очерчивают общие направления развития государства и допускают применение лексики, тяготеющей к политической, а не юридической, коммуникации. К лексемам с абстрактным значением можно отнести целый ряд отглагольных существительных, которые обозначают способы противодействия и встречаются в сочетаниях с другими существительными, обозначающими конфликтогенные действия, состояния, ситуации. Они характерны главным образом для текстов Концепций:

- **устранение** имеющихся очагов напряженности [11]; **устранение** необоснованных административных барьеров [12]; **устранение** допущенных нарушений [14];
- **снижение** уровня конфронтации [11];
- **ослабление** напряженности [11];
- **сокращение** незаконного производства и оборота наркотических средств [11];
- **предупреждение** терроризма и экстремизма [11], **предупреждение** нарушений миграционного законодательства Российской Федерации [12];
- **недопущение** дискриминации российских товаров [11];
- **нейтрализация** угроз [11];

- **пресечение** нарушений миграционного законодательства [12].

Для законодательных текстов более типичны другие языковые формы –терминологичные и сокращающие возможность множественных толкований. О последствиях диффузности юридического текста Т.В. Леонтьева пишет: «...Высокая степень обобщенности формулировок в тексте документа способна вызвать различия в его интерпретации, а значит, в решении вопросов организации любой профессиональной деятельности, если документ направлен на ее регулирование, что влечет за собой возникновение взаимных претензий сторон, т. е. конфликтных ситуаций» [6, С. 58].

Вероятно, законодатель осознает опасность обобщенности формулировок и старается избегать диффузности посредством указаний на конкретные юридически обоснованные категории. В нашем материале собственно законодательных текстов в числе лексических единиц, обозначающих меры противодействия враждебным по отношению к государству явлениям и имеющих конкретное юридическое значение, следующие: *выдворение (административное выдворение иностранных граждан - [14]); депортация (депортация иностранного гражданина - [14]); административное наказание (административные наказания за незаконное привлечение к трудовой деятельности...- [14]); уголовная ответственность (установлена уголовная ответственность за пересечение государственной границы иностранными гражданами...); аннулирование (аннулирование разрешения на привлечение и использование иностранных работников - [14]).*

Такие юридически нагруженные формулировки в текстах законов обеспечивают четкость в определении контрмер РФ по отношению и к внешним враждебным проявлениям, и к негативным явлениям внутри страны, мешающим реализации государственной политики. В то же время общие стратегические установки государственной политики, типичные для концепций и стратегий, выражены в более абстрактных категориях и соответствующей лексике.

Заключение

Модель семантической ситуации конфликта в правовых и политико-правовых документах включает следующие элементы: субъект действия, собственно действие, противоречащее норме, объект отрицательного воздействия и ответные действия со стороны объекта негативного влияния. При этом объектом негативного воздействия и субъектом ответных мер выступает российское государство. Анализ материала показал, что в правовых и политико-правовых документах моделируются не только желательные, с точки зрения государства, ситуации, но и ситуации потенциально конфликтные. Через указания на ответные меры государство устанавливает не только ответственность за действия, выходящие за рамки правовой нормы, но и собственно саму норму.

Лексика, актуализирующая ситуацию конфликта в рассматриваемом институциональном типе дискурса, делится на две группы: обозначения явлений и действий, противоречащих юридическим и социальным нормам РФ, с одной стороны, и обозначения ответных контрмер, с другой стороны. Первая группа включает лексику разных объемов значений: от диффузных и обыденных лексических единиц до терминологических словоупотреблений. Такой охват лексики позволяет не только квалифицировать то или иное явление как враждебное, но и в необходимых случаях дать ему юридически точную номинацию. Кроме того, частотность употреблений, вероятно, может рассматриваться как признак актуальности той или иной проблемы для государства (н-р, высока востребованность лексем «терроризм» и «экстремизм»).

Лексика, обозначающая меры противодействия со стороны государства, различна в собственно законодательных текстах и текстах политико-правовых. Слова-носители обыденных языковых значений (преимущественно отглагольные существительные), обозначающие конфликтные действия, состояния, ситуации, характерны для текстов Концепций, тогда как собственно юридический текст стремится к меньшей диффузности смыслов и большей точности за счет применения обозначений юридических категорий, что позволяет репрезентировать конфликтную ситуацию не на бытовом уровне, а на уровне юридическом.

В отличие от некоторых других видов дискурса (политического, интернет-коммуникации), направленных на провокацию конфликта и вражды, правовой и политико-правовой дискурс имеет констатирующий и нормирующий характер, что обеспечивает его неконфликтность, даже при том что объектами репрезентации нередко являются ситуации конфликта и противостояния между российским государством и другими субъектами внутри и вне его.

Дополнительные материалы

Дополнительные материалы доступны на онлайн-странице статьи.

Финансирование

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Supplementary materials

Supplementary materials are available online on the article's webpage.

Funding

The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Дубровская Т.В. Дискурсивное конструирование единения в концепции внешней политики РФ: лексика с морфемами МЕЖ-/ МЕЖДУ-, ВЗАИМО- и ОБЩЕ- (опыт интегративного подхода) / Т.В. Дубровская. // Культура и текст. — 2020а. — № 4 (43). — С. 196-213.
2. Дубровская Т.В. Лексика с семантикой единения в тексте Конституции Российской Федерации / Т.В. Дубровская // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Материалы IV Международной научно-практической конференции (13 октября 2020 г., г. Орёл). – Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020б. – С. 75-80.
3. Дубровская Т.В. Семантика вражды в медиатизированном дискурсе международных отношений / Т.В. Дубровская, Э.И. Юськаева // Russian Linguistic Bulletin. - 2021. - №4(28). - С. 120-126.
4. Карпухина Т.П. «Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам) / Т.П. Карпухина // Вестник Кемеровского государственного университета. - 2019. - № 21(1). - С. 212-222.
5. Кожемякин Е.А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры / Е.А. Кожемякин - Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. - 244 с.
6. Леонтьева Т.В. Потенциальная конфликтогенность законодательного текста как следствие высокой степени обобщенности формулировки / Т.В. Леонтьева // Страховое право. - 2020. -№3. - С. 54-62.
7. Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом / М.А. Мушинский // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488-499.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова - М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
9. Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. - Москва: Наука, 1980. - 789 с.
10. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2006. – 562 с.
11. КВП – Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). [Электронный ресурс] // Сайт МИД РФ. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 19.05.2022)
12. КГМП – Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. [Электронный ресурс] // Сайт Кремля. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 19.05.2022)
13. Конституция – Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Сайт МИД РФ. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1750525/ (дата обращения: 19.05.2022)
14. ОПП – ФЗ №115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (от 25 июля 2002 г.). [Электронный ресурс] // Сайт МИД РФ. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1586163/ (дата обращения: 19.05.2022)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dubrovskaya T. V. Diskursivnoe konstruirovaniye edineniya v koncepcii vneshnej politiki RF: leksika s morfemami MEZH-/ MEZHdU-, VZAIMO- i OBSHhE- (opyt integrativnogo podkhoda) [Discursive construction of Unity in the concept of foreign Policy of the Russian Federation: vocabulary with morphemes MEZH-/ MEZHdU-, VZAIMO- and OBSHCHE (experience of the integrative approach)] / T.V. Dubrovskaya. // Kul'tura i tekst [Culture and text]. — 2020. — № 4 (43). — pp. 196-213 [in Russian]
2. Dubrovskaya T.V. Leksika s semantikoj edineniya v tekste Konstitutsii Rossijskoj Federatsii [Lexis with the semantics of unity in the text of the Russian Constitution] / T.V. Dubrovskaya // Yazuk, Kultura. Kommunikatsiya. [Language. Culture. Communication: learning and teaching]. IV International conference proceedings (October 13th, 2020, Oryol). – Oryol: Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020b. – pp. 75-80. [in Russian]
3. Dubrovskaya T.V. Semantika vrazhdy v mediatizirovannom diskurse mezhhdunarodnykh otnoshenij [Semantics of enmity in the mediatized discourse of international relations] / T.V. Dubrovskaya, E.I. Yuskaeva // Russian Linguistic Bulletin. — 2021. — No4(28). — pp. 120-126. [in Russian]
4. Karpukhina T.P. "Leksika vrazhdy" kak manipulyativnyj resurs sozdaniya obraza Rossii v sovremennoj angloyazychnoj presse (v aspekte prepodavaniya anglijskogo yazyka rossijskim studentam) [Hate speech as a manipulative means of forming the inimical image of russia in british and american mass-media (viewed from the aspect of the English language taught to Russian students)] / T.P. Karpukhina // Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. — 2019. — №21(1). — pp. 212–222. [in Russian]
5. Kozhemyakin E.A. Diskursnyj podkhod k izucheniju institutsionalnoj kultury [Discourse approach to the study of institutional culture] / E.A. Kozhemyakin - Belgorod: BelGU, 2008. — 244 p. [in Russian]
6. Leontyeva T.V. Potentsialnaja konfliktogennost zakonodatelnogo teksta kak sledstviye vysokoj stepeni obobschennosti formulirovki [Legal texts' potential conflictogenity as a consequence of high generality of formulations] / T.V. Leontyeva // Strakhovoje pravo [Insurance law]. — 2020. — №3. — P. 54-62. [in Russian]
7. Mushinskij M.A. Strategies, concepts, doctrines in the legal system of the Russian Federation: the problem of status, legal writing and mutual correlation [Strategii, kontseptsii, doktriny v pravovoj sisteme Rossijskoj Federatsii: problem statusa, juridicheskoy tekhniki i sootnosheniya drug s drugom] / M.A. Mushinskij // Juridicheskaja tekhnika [Legal writing]. — 2015. — № 9. —pp. 488-499. [in Russian]

8. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological units]. / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova - Moscow: Azbulovnik, 1997. – 944 p. [in Russian]
9. Russkaja grammatika. T. I. Fonetika. Fonologija. Udarenije. Intonatsija. Slovoobrazovanije. Morfologija [Russian grammar. Vol. I. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word-building. Morphology]. - M.: Nauka, 1980. - 789 p. [in Russian]
10. Yazyk vrazhdy i soglasija v sotsiokulturnom kontekste sovremennosti [Language of animosity and language of consent in the modern sociocultural context]. (Eds.) I.T. Vepreva, N.A. Kupina, O.A. Mikhailova. - Trudy Uralskogo MIONa [Works of the Ural MION]. - Vol. 20. - Ekaterinburg: Ural University publishing house, 2006. – 562 p. [in Russian]
11. Kontseptsija vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federatsii V.V. Putiny 30 nojabrya 2016) [Concepts of Foreign Policy of the Russian Federation approved by the Russian President V.V. Putin, November 30th, 2016]. [Electronic resource] // Russian Foreign Ministry website. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (accessed: 19.05.2022) [in Russian]
12. Kontseptsija gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii [Concept of state migration policy of the Russian Federation] [Electronic resource] //Kremlin website. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (accessed: 19.05.2022) [in Russian]
13. Konstitutsija Rossijskoj Federatsii [Constitution of the Russian Federation] [Electronic resource] // Russian Foreign Ministry website. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1750525/ (accessed: 19.05.2022) [in Russian]
14. Federalnyj zakon 115 'O pravovom polozhenii inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federatsii', 25 ijulya 2002 [Federal law no 115 'On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation', July 25th, 2002] [Electronic resource] // Russian Foreign Ministry website. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1586163/ (accessed: 19.05.2022) [in Russian]